

«Последний адрес» как инструмент реальной декоммунизации

Миллионы людей были расстреляны или умерли в ГУЛАГе в годы сталинского Большого террора. Значительная часть из них были украинцами. Что мы знаем об этих людях, кто помнит о них в стране, где исторической памяти уделяется огромное внимание? Ответ — на небольших табличках, появляющихся в последнее время на домах, откуда навсегда уводили очередную жертву режима. Должно ли государство определять исторический нарратив, как превратить декоммунизацию из инструмента пропаганды в механизм реального примирения, и когда мириады частных памятней сольются в единую национальную — в интервью с инициатором проекта «Остання адреса» Дмитрием Белобровым.

— В Европе еще более 20 лет назад появились «камни преткновения», встроенные в мостовые или тротуары перед бывшими домами жертв нацизма. В России действует гражданская инициатива «Последний адрес», в рамках которой в память о пострадавшем в годы Большого террора на стене дома, из которого человека в своё время увели, устанавливается маленькая мемориальная табличка. Вы сознательно остановились именно на таких табличках?

— Да, это осознанный выбор. Во-первых, «камни преткновения» дороги в изготовлении — 120 евро для Украины — это немало. Во-вторых, у нас практически нет брусчатки, как в Европе, где камень (точнее куб, окованный латуной) встраивается именно в брусчатку. Да и климатические условия у нас иные — грязь весной и осенью, снег зимой — эти «камни» под ногами просто никто не увидит. Поэтому автор проекта, известный российский журналист и издатель Сергей Пархоменко трансформировал концепцию, перенес ее на стены домов. Мы немного изменили подход — на «камнях» часто встречаются несколько имен, у нас же на табличке имя всегда одно. Одно имя, одна жизнь и один знак — это символично.

— Первая табличка появилась в Киеве три месяца назад. Сколько их на сегодняшний день в Украине, и какова география проекта?

— Пока установлены пять табличек в Киеве и больше двадцати заявок находятся в процессе обработки — из них шесть в Харькове и четыре в Одессе. Интересно, что большинство заявителей — евреи, видимо, сказывается особое отношение к памяти (Сергей Пархоменко тоже галахический еврей, — прим. ред.), хотя нам бы очень не хотелось превращать «Останню адресу» в этнический проект. А поучиться традиции памяти, необходимой для нормального функционирования общества, — не грех.

Дмитрий устанавливает очередную табличку

— В каких регионах проект привлек наибольшее внимание?

— Хороший резонанс был в западных областях, в частности, во Львове, где эта инициатива легла на подготовленную почву неприятия коммунистического режима — там людей не нужно ни в чем убеждать. При этом конкретных заявок из Львова пока нет, что понятно — все-таки пик кровавых репрессий 1936 — 38 гг. этот регион миновал. Да, там было националистическое подполье, многие семьи раскулачили, но речь идет в основном о селе, а у нас история, преимущественно, городская. При этом множество добровольцев хотят помочь проекту, как-то в нем участвовать.

Так или иначе, на сегодняшний день самая западная точка, до которой дошла «Остання адреса», — это Житомир. Иногда обращаются из небольших населенных пунктов, недавно, например, поступила заявка из села под Васильковом — адрес человека неизвестен, мы будем искать школу, откуда его увезли и, если договоримся, именно там и повесим табличку.

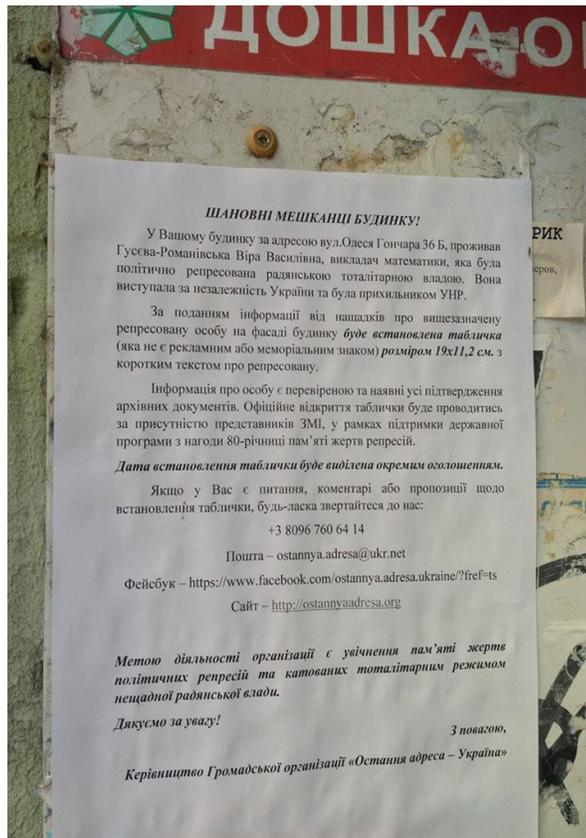
— В память о ком чаще всего устанавливают таблички — видные государственные деятели, военачальники, мастера культуры, простые люди, которых перемололи жернова террора?

— Из первых трех табличек две установлены в память об интеллигентах — инженере Константиновском и враче Ефимове — интеллигенция, как правило, становилась первой жертвой режима. Григорий (Герш) Константиновский, живший на нынешней улице Шота Руставели, — прадед писательницы, профессора нескольких итальянских университетов и переводчицы Умберто Эко — Елены Костюкович, которая и выступила заявительницей.

Меня удивляет, когда некоторые пытаются придать национальный контекст коммунистическим чисткам, мол, украинцев убивал кто угодно — евреи, русские, но всегда другие. Но вот передо мной приговор Гершу Вениаминовичу Константиновскому, которого расстреляли как «польского шпиона». Подписан он «тройкой» в составе: оперуполномоченный III отдела УГБ УНКВД младший лейтенант Жутов, начальник III отдела УГБ УНКВД капитан Роголь, утвержден замначальника УНКВД по Киевской области майором Вавичем.

Идет гравировка

Объявление об установке таблички на доме репрессированного

Другое уголовное дело — из Одессы — по обвинению в создании «контрреволюционной сионистской организации» двух людей по фамилии Гринберг (не родственников) и примкнувшего к ним Лившица. В ходе обыска у одного из Гринбергов была изъята (о, ужас!) книжка «Спиноза» под редакцией Луначарского. Всех троих расстреляли, разумеется. Приговор, подписанный лейтенантом ГБ Тягиным и лейтенантом ГБ Калюжным, утвердил заместитель начальника УНКВД Спектор. И что? Где здесь международный конфликт?

Интересный момент. Язык таблички выбирает заказчик и, несмотря на то, что, кроме одного, все заявители русскоязычные (включая иммигрантов-евреев), все они отдали предпочтение украинскому языку.

— Текст на каждой из табличек предельно лаконичен, лишен эмоций и комментариев. Родился. Арестован. Расстрелян. Реабилитирован. За каждым таким знаком — иногда потрясающая жизнь. Есть судьбы, которые заинтересовали вас лично?

— Каждая по-своему уникальная, но меня зацепила самая первая история — о профессиональном военном Харитоне Гуртовенко. Он начинал служить в царской армии и после революции несколько раз армии менял — в советском понимании он предатель. Принимая присягу армии УНР, Гуртовенко изменил царю и отечеству, потом, служа в Красной армии, он, соответственно, предал Украину.

Наверное, он мог упереться и быть расстрелянным на 20 лет раньше, еще в 1917-м. Это история о человеке, который просто хотел жить. Но это оказалось непозволительной роскошью...

— *Насколько развита частная память в Украине — память о конкретном человеке?*

— Практически отсутствует. У нас не принято интересоваться родственниками. Как-то в Германии в одном сельском доме я увидел родовое древо, корни которого теряются в 1200 каком-то году. И хозяйка дома знает происхождение этих людей! Кого, кроме прабабушек и прадедушек, помним мы, хотя бы по именам? Часто ли спрашиваем себя, откуда мы пришли и почему живем именно здесь, а не в другом городе. Нам предстоит огромная работа в направлении движения к нормальной цивилизации, потому что это совершенно нормальные вопросы, которые мы не привыкли задавать.

— *Приходилось ли отказывать заказчикам? И на каком основании? Часто ведь палачи сами становились жертвами — и те, кто в 1937-м отправлял в ГУЛАГ тысячи соотечественников, год спустя мог сам получить пулю в затылок...*

— Мы приняли решение, что устанавливать таблички палачам не будем. Хотя, возможно, выбитая на ней фраза о том, что репрессированный человек служил в НКВД, послужила бы назиданием потомкам. Но ...это, наверное, неправильно по отношению к действительно невинным жертвам. Мы не царство небесное, где все равны. И не спекулируем на чрезмерном драматизме — здесь полегли десятки миллионов и т.п. Нет, отсюда увели одного единственного и его убили. Таких табличек могут быть десятки тысяч, но за каждой из них стоит конкретный человек.

— Для вас «Остання адреса» — в том числе и личная история?

— Нет, у меня много коммунистов в роду, были и политруки, никого не репрессировали. Проще всего сказать, мол, пусть этим занимаются те, чьи предки пострадали в годы Большого террора. Но это неправильно. Наоборот, важен голос именно тех, кто не пострадал.

Елена Костюкович у дома, где жил прадед

— Вы лично устанавливаете таблички. Какова реакция жителей дома и просто прохожих? Останавливаются, задают вопросы, скептически вздыхают?

— Большинство безразличны. Мы звоним в дверь, представляемся, и первое, что слышим в ответ: «Я вам денег не дам». Просим дослушать, объясняем, что просим лишь поставить подпись о том, что они не против установки на их доме таблички в память о репрессированном. Наиболее распространенный ответ: «Да нам все равно, вешайте». Но это тоже плохо. Поймите, что происходит, задайте вопросы, вам не должно быть все равно, это же ваш дом, вы здесь живете.

— У каждой таблички должен быть заказчик, он же покупатель, готовый выложить 1000 грн. за ее изготовление из нержавеющей стали. В Европе, где установлено уже более 60 000 камней преткновения, затраты берет на себя муниципалитет или жители дома, из которого увели в последний путь соседа-еврея. А кто у нас

— Частные лица. Государство не в состоянии решать эти вопросы — это всегда слон в посудной лавке — оно может лишь что-то запретить или издать указ. При всем понимании того, что нынешняя декоммунизация не решает никаких проблем, я не упрекаю власть — она не может иначе. Изменение сознания — это задача гражданского общества, а ожидание, что государство что-то сделает за нас, — и есть пережиток советского прошлого.

Меня часто спрашивают, разве не государство должно этим заниматься? Нет, не государство. И не политические партии. Если проекту захочет помочь какой-то депутат, он может это сделать как частное лицо — его партия нигде не будет упоминаться.

«Остання адреса» — это пиксельный памятник, состоящий из тысяч отдельных памятей. Отдельная жизнь — это составная часть происходившего кошмара. Цена человеческой жизни должна быть во главе угла, а не некий идеологический заряд, который завтра может поменять свой вектор. Это и есть реальная декоммунизация, а не переименование сверху Московского или какого бы то ни было иного проспекта. Поэтому главная наша задача — превратить этот процесс из инструмента пропаганды в механизм реального примирения.

— Историческая память может не только объединить, но и разделить страну, где у разных регионов — свои герои. Вы сталкивались с критикой в адрес проекта — на идеологическом уровне?

— Пока нет. С одной стороны, убежденных сталинистов мало. С другой, если вы имеете в виду, что это российская инициатива, хоть и негосударственная, — так недаром «камни преткновения» появились в Германии, а «Последний адрес» в России — это антитоталитарный проект, который для РФ еще важнее, чем для нас. Хотя я не знаю, как воспримут его на востоке страны — пока к нам поступила одна заявка из Лисичанска. Коммунистические смыслы там еще достаточно сильны. И именно поэтому реальная работа по декоммунизации сознания (а не только памяти) там значительно важнее, чем в центре и на западе Украины.

Дмитрий Белобров и Анна Фурман на открытии таблички в память о фармацевте Юлии Белецком

Историческую память действительно используют для разъединения. При этом не каждый, кто читит Ватутина, — коммунист, и не каждый, героизирующий Шухевича, — правый радикал. Ватутин и Шухевич для большинства — полумифические персонажи, не более, чем флаги, за которыми можно спрятаться. Под началом этого погибло столько-то людей, а этот убил столько-то.

Это и есть советский дискурс с его глобальными формами, который продолжает эксплуатировать новая власть. Недаром обращаются, главным образом, к сельской памяти — хотя представление об Украине как сельской стране — невероятно удобно российским имперцам. Территория, которая ничего, кроме гопака и вышиванок, дать не может. И это представление постоянно культивируется как в России, так и у нас. Бесконечные хоры им. Вережки, почвенничество, из которого ничего не произрастает, и город, исключенный из публичного пространства.

Мы пытаемся уйти от этого дискурса, от проекта «Остання адреса» никто не должен получить политические дивиденды, а нейтральность табличек позволяет увековечить частную память о конкретном человеке в нужной тональности.

— *Счет репрессированных в Украине идет на сотни тысяч, если не миллионы... Как и в России, где за два года, в рамках аналогичной инициативы, установлено всего 500 табличек. Что для вас является критерием успеха проекта — число людей, подтвердивших своим вкладом, что помнят о конкретной жертве репрессий, или просто благожелательное внимание общества?*

— Дело не в количестве. Мы не ждем тысяч заявок в ближайшее время. Тем более, что многое зависит от наличия информации по конкретному делу в архиве, в конце концов, от того, сохранился ли дом, в котором жил репрессированный. Не исключено, что проект останется достаточно камерным, нас пока всего двое — я и руководитель проекта Анна Фурман — не всюду мы успеваем. Это не страшно. Страшно, что общество пока не осознает, что наша национальная память складывается из мириад частных памятей... При моей жизни, хотя я достаточно молод, мы вряд ли достигнем этого понимания.

Советская власть ведь уничтожала человека не только физически, она разрушала естественные связи общества, не позволявшие ему атомизироваться. Отсюда всеобщее недоверие, подозрительность, страх. Вспоминается фраза Черчилля: если при демократии вам звонят в дверь, то это, скорее всего, молочник.

Но мы ждем не молочника. Там может быть кто угодно — скорее всего,

человек в форме, перед которым вы беззащитны. И это ощущение осталось. Таких примеров множество. В Харькове до сих пор есть дома, в которых не предусмотрены кухни, — люди должны были питаться в общих столовых. Это неестественно для человека. Как и неестественно стирать из своей памяти все, что связано с конкретными людьми, придумывая себе очередных новых героев в расчете на то, что уж они-то укажут верный путь к счастью. Не укажут. Есть работа, которую никто не сделает за нас, и чем раньше мы это поймем, тем лучше.

Беседовал Михаил Гольд